

Ксения Кабопкина

ТАЙНА

**Маленького
городка**

6+

Ксения Кабочкина
Тайна маленького городка

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кабочкина К. А.

Тайна маленького городка / К. А. Кабочкина — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Соня - обычная современная девочка, школьница. Она смелая и открытая, легко находит друзей, но умудряется вечно влипнуть в необыкновенные истории. На этот раз, приехав с родителями на отдых в небольшой курортный городок, ей пришлось столкнуться со страшной загадкой. От того, сумеет ли она её разгадать, будет зависеть жизнь маленьких обитателей одной небольшой улицы со странным зловещим названием...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Ксения Кабочкина

Тайна маленького городка

Пролог

Когда-то давным-давно в одном очень маленьком городишке поселилось Зло. По ночам стали пропадать люди. Исчезали они в один и тот же час на одной и той же улице.

В городке улиц было немного: Лесная, Цветочная, Центральная, Каретная, ещё с десяток подобных им неброских названий и вдруг... улица Трёх Шестёрок. Кому пришло в голову дать ей такое имя, никто не знал. О ней ходили разные слухи, один страшнее другого. Все народные гулянья и свадьбы обходили эту улицу стороной. Стоявшие на ней дома пустовали. Время от времени можно было увидеть торопливых прохожих. Но лишь до наступления сумерек...

Смельчаки, рискнувшие испытать храбрость ночным дежурством на таинственной улице, пропадали. А те, кто вернулся, либо оказывались лишёнными рассудка, либо мучились от внезапной немоты. Но и те, и другие жестами и пером описывали, будто видели страшного безликого великана раза в два, а то и три выше человеческого роста. Фигура его была худошава. Описывая его одежду, все единодушно рисовали чёрный элегантный костюм, остроносые ботинки и классической формы красный галстук. Великан был костляв и бледен. Все как один утверждали, что у чудовища... не было лица. Ни глаз, ни ушей, ни носа. Зато некоторые очевидцы описывали жуткого размера щупальца, делавшие его обладателя похожим на гигантского многорукого паука. Щупальца появлялись, когда монстр хватал очередную жертву. Едва подносил её к безликому овалу головы, как тут же на короткое время прорезался рот с острыми кольями зубов и тонким красным языком.

Город сковал страх.

И вдруг приехал странный незнакомец, представившийся Хейганом. Иностранец сносно говорил по-русски, тоннами поглощал русские блины в единственной городской столовой, щедро давал на чай единственному её работнику – в одном лице повару, официанту и хозяину; любезничал с хозяйкой обшарпанной, но тоже единственной в городе гостиницы, а главное... Хейган сказал корреспонденту местной газеты (тоже, кстати, единственной в городе), что знает, как победить монстра... Буквально на следующее утро город трепетал, читая о важных предостережениях Хейгана:

Не выходить на улицу с 23.00 до 2.30 – это время прогулок монстра.

Если всё же выйти пришлось, и на беду великан встретился – бежать со всех ног.

Ни в коем случае не смотреть ему в лицо (или в то место, где у обычных людей бывает лицо), тогда, может быть, повезёт остаться в живых.

Иностранец предложил два варианта борьбы с чудовищем: изловить или подождать, пока оно протянет ноги от голода. Сам Хейган настаивал на первом и попытался обсудить детали, собрав на срочном совещании у городничего все важнейшие службы города. Но... подавленные давнишним страхом люди не желали ловить. Они предпочли ждать.

В ту же ночь Хейган исчез.

Прошло много времени. Монстр в чёрном костюме больше не появлялся. Постепенно о нём забывали. Реальные факты стали обрастать несуществующими подробностями. Вскоре история превратилась в легенду. Легенда – в сказку. Затем и сказка растворилась в суете и шуме большого города, в который разросся некогда маленький городишко.

Улицу Трёх Шестёрок давно смели с лица земли, застроив всю её длину корпусами больницы имени Хейгана. Огромная больница была поводом для гордости горожан. Её оборудование обновлялось точно в ногу со временем, а о высоком профессионализме врачей, творящих чудеса воскрешения на операционных столах, ходили легенды.

Но именно здесь, в наворочанной больнице, под самым носом прославленных профессоров медицины творилось нечто необъяснимое... Странности начинались каждый год за три дня до наступления Рождества и затихали после Крещения. Ещё более удивительным было то, что эти странности оставались не замеченными – о больнице ходила только добрая слава. Так поработал над своими прошлыми ошибками некто в чёрном костюме, огромный и безликий. Да, Монстр не исчез...

Глава 1

Накрывшийся отдых

– Всё хорошо, милая, всё будет хорошо, – скороговоркой повторяла мама, обнимая дочь и с беспокойством поглядывая в окно машины.

Освещённая фарами дорога с жуткой скоростью неслась назад, открывая с обеих сторон на тротуаре, вереницу сменяющих друг друга мигающих, сверкающих, фосфоризирующих вывесок. Аптеки, супермаркеты, кафешки... Ну где же больница...

– Кажется, заехали не туда, – папа резко вывернул руль, машина развернулась на 180 градусов, и снова за окнами побежали кафешки, супермаркеты, аптеки, только в обратном порядке.

– Боже! – застонала мама, – Пожалуйста, скорее! У неё уже не только руки и щёки красные, всё лицо опухло! А если это не просто крапивница? Если отёк Квинке?

Мама была близка к истерике.

– А я предлагал вызвать Скорую.

– Но... у нас машина, в конце концов! Я думала, так быстрее...

– Тогда терпение.

– Где твой хваленый навигатор?

– Накрылся...

Папа обижено сопел, мама едва не плакала, а десятилетняя Соня Маус с интересом разглядывала себя в боковое стекло. На Соню смотрело чужое распухшее, пятнисто-бугристо-красное лицо с глазами-щёлками. Это лицо постоянно раздваивалось и расплывалось. Не потому, что его растворял яркий свет бегущих за окном фонарей, просто глаза слезились и чесались. Всё время хотелось чихать. И весь этот ужас из-за маленького экзотического фрукта – личи¹, так похожего на любимые Соней клубнику и виноград одновременно.

У Сони начались зимние каникулы, мама с папой тоже взяли отпуск и всей семьёй махнули на отдых. Первый же курортный день закончился плачевно. Прежде, чем выбрать гостиницу, семья Маус решила перекусить в первом встретившемся ресторанчике. Поели вкусно и сытно. Всё бы хорошо, но Соня увидела, как за соседним столом малыш-китаец ловко чистит и с аппетитом лопают красивые «виноградные клубнички». Гроздь личи купили, попробовали, всем фрукт понравился, взяли ещё гроздь в дорогу. Отчалили. И тут началась аллергия, да такая, что Соня почувствовала себя надувным трансформером...

И вот они вместо гостиницы ищут больницу. Навигатора нет, только бумажная карта. Папа то и дело тормозит машину, чтобы свериться с маршрутом. Прохожих на тротуаре пруд пруди, все не местные, у кого ни спроси дорогу, все указывают в разные стороны.

Но чудо всё же случилось. До больницы семья добралась. Правда, в машине к этому времени была уже не одна больная, а две, потому что маму здорово укачало. Но ей, сказать правду, больше повезло, чем Соне, которую врачи, поставив тяжёлую форму аллергии, срочно госпитализировали.

– На долго? – слабым голосом спросила мама.

¹ Личи – китайская слива

– Как минимум на две недели, – отрезал пожилой врач, подпрыгивая на месте, чтобы казаться выше, и всё равно глядя на миниатюрную Сонину маму снизу вверх.

Так в чужом городе Соня попала в больницу имени неведомого ей Хейгана. Но сразу поразилась, что больница не старая, не обшарпанная, а довольно приличная, даже как будто новая. Детский корпус внешне напоминал гигантский пароход в 12 этажей, сделанный, как будто из матового стекла. Очень красивое здание.

Но даже в такой «красивой красоте» Соне совсем не улыбалось провести аж две недели. Однако... ничего не поделаешь. Надо, так надо. Не будешь же эдаким дутиком ходить, чего доброго ласты откинешь. Соня ещё в машине почувствовала, как усиливается резь в животе, и дышать всё тяжелее. Родителям не сказала, не хотела пугать.

Никогда не думала, что аллергия бывает такой страшной.

– Ничего, мышка. Мы будем тебя навещать, – сдерживая слёзы, говорила мама.

– Да, да, – подхватил папа.

Оба смотрели на Соню так, будто расставались с ней навсегда. И это откровенно бесило.

– Мам! Пап! Я, вообще-то, не собираюсь умирать!

Мама зарыдала в голос. В палату стали заглядывать проходившие мимо врачи и пациенты с медсёстрами.

– Тише, Майя, – папа обнял за плечи жену и, недовольно зыркнув в сторону двери, обратился к Соне. – Доктор сказал, что тебе сейчас сделают укол и положат под капельницу. Пока будешь прокапываться, мы с мамой принесём нужные вещи.

– Что тебе принести? – всхлипнула мама.

– Альбом, карандаши, фломастеры. И..., пожалуйста, из машины куклу Алису.

– Хорошо. А я тебе ещё свой ноутбук оставлю, – сказал папа.

– Петя! – возмутилась мама, но тут в палату вошёл врач.

– Чего шумим? – с акцентом спросил он, и бодро подкатился к пациентке. Внимательным взглядом скользнул по опухшим щекам, оттянул веки, пощупал пульс. Пальцы у него были прохладные, прикосновения мягкие, движения точные. Соне он сразу понравился. Маленький, кругленький, с большим острым носом, проворными глазками и редким чёрным ёжиком волос, торчащим из-под белой медицинской шапочки, он напоминал потрепанного дракой воронёнка-переростка.

– Ничего, всё в порядке, – ответил папа.

И тихо, чтобы не слышал врач, шепнул жене:

– Майя, ну надо же ребёнку иногда мультики смотреть.

Тут же поймал внимательный взгляд врача, понял – тот всё слышал, как и сама Соня. Впрочем, это ему понравилось, и он подмигнул дочери:

– Да, Соня?

Девочка только пожала плечами. Она любила мультики, но сейчас ей плохо. Не до них.

Глава 2

Первые знакомства

Вот и стали Соне делать уколы, водить на процедуры. Соню поразило, что в составе персонала больницы практически не было русских, почти все – русскоязычные.

Медсёстры в основном были добрыми и приветливыми, но, как это обычно бывает в больницах, среди них затесалась одна очень вредная барышня.

– Ещё одна контуженная, – проворчала она, увидев Соню.

– Здравствуйте, – в ответ сказала девочка.

– Имя? – медсестра открыла объемную тетрадь, на обложке которой красовался потрепанный бумажный ярлык «Пациенты».

– Соня.

– Отчество?

– Петровна.

– Фамилия?

– Маус.

– Маус? – медсестра в замешательстве уставилась на Соню. – Что за дурацкая фамилия? Что за шутки?

– Это не шутки, загляните в Свидетельство о рождении, оно у Вас в руках... И моя фамилия абсолютно не дурацкая, – Соню очень задело её слова.

– Мда-а-а... Одни чурки везде! – громко проворчала медсестра.

Соню просто захлестнул гнев, но она сдержанно и о-очень тихо произнесла:

– Пожалуйста, не называйте меня чуркой. Я, может быть, наполовину иностранка, не знаю, но мои предки давно жили в России. И ещё. Рассизм – это плохо.

– Ах, она меня учить вздумала! – рассердилась медсестра, быстро вписала Сонино имя в тетрадь, с чувством её захлопнула и встала, выкрикнув «Нани!»

Из-за двери выглянула медсестричка мулатка приятной наружности, высокая, стройная, с забранными в пучок, темными волосами.

– Нани! Отведи эту русскую чурку к Лэлу Лэлловичу!

– Хорошо, Тана, – девушка взяла Соню за руку и вывела из кабинета.

– Нэ обращай вниманья, – в самое ухо девочки прошептала она доверительно. Её голос был низким, но очень красивым. – Тана всегда такая.

– Злыдня она, – тихо сказала Соня.

Нани это услышала.

– Злыдня, – подтвердила она. – Толко при ней это нэ говори. Очэнь рассэрдится.

Добрая Нани остановилась и с такой мольбой посмотрела на Соню, что та улыбнулась:

– Конечно, не буду. А как её зовут?

– Татьяна Артэмьева, – с трудом произнесла Нани.

– Так она что, русская?

Нани неопределённо повела плечами.

– А чего же тогда обзывается?

Нани вздохнула, погладила Соню по растрепавшимся волосам:

– А тэба как зовут?

– Соня, – ответила Соня и зачем-то прибавила:

– Петровна Маус.

Нани улыбнулась:

– Хорошэ, Сона. Я тэба так буду называт. А ты мнэ зовы просто Нани.

– Просто? А почему не...

– Потому что полноэ има тэбэ нэ выговорыть. – улыбнулась медсестра.

– Хе, а как оно звучит?

И Нани назвала свое имя. Оно оказалось красивым, но таким длинным, что Соня предпочла все же звать её просто Нани.

Краснота на коже прошла, Соне разрешили, наконец, выходить из палаты и свободно бродить по отделению. Впрочем, свободно бродить было не так-то просто, потому что каждое

утро детей, как только они проснулись, умылись и почистили зубы, сразу сгоняли в игровую, не спрашивая, хотят ли они играть.

Но эту комнату Соня оценила, едва увидев. Она была что надо: большая, с мягким ковриком на полу, множеством игрушек, книжек, раскрасок, альбомных листов, карандашей и фломастеров. В углу за ударостойким, начисто вымытым, без единого пятнышка стеклом дремал телевизор, ожидая, когда его разбудят сигналом пульта.

– Иди, знакомься, – легонько подтолкнула Соню, застывшую у порога, уже другая медсестра, исконно славянской внешности, с русой косой и кокетливыми кудряшками, выбивающимися из-под белой медицинской шапочки. – И запомни, самовольно покидать игровую не разрешается. Если нужно отпроситься по нужде, скажи дежурной медсестре.

– И ещё. Не дерись и не балуйся, – улыбнулась русская красавица, шутливо погрозив тонким пальчиком.

– Хорошо, – Соня улыбнулась в ответ и шагнула через порог игровой.

К ней сразу подскочила толстенная, похожая на мягкую игрушку, девочка с чёрным хвостиком на затылке и узкими, но всё равно красивыми, как отметила про себя Соня, глазами, примерно Сониного возраста.

– Привет, – звонко сказала девочка на чистейшем русском языке без всякого акцента. – Ты новенькая?

– Да. А ты здесь давно?

– Неделю. Как тебя зовут?

– Соня. Соня Маус.

– Ух, ты! Как Микки Маус или Соня Мышь. А я – Настя Щёкова.

– Очень приятно, – Соне сразу понравилась общительная толстушка.

– Пошли играть, – Настя схватила Соню за руку и потащила к огромному розовому замку.

Это был самый замечательный игрушечный замок, который только доводилось встречать Соне. Он легко трансформировался и поражал воображение совершенно восхитительными функциями. Можно было разобрать крышу и передвигать внутри замка его жителей. Можно было представить, что это королевский дворец с величественными колоннами и огромным балконом, на котором королевская чета распивала чай из настоящих миниатюрных чашечек. Сними балкон – и дворец превращался в неприступную башню. Стоило нажать на кнопку – как верхнее «слуховое» окошко распахивалось, а из него высовывалась принцесса Рапунцель, свешивая вниз свои длинные косы...

Соня так увлеклась замком и его обитателями, что не сразу заметила, как игровая затихла. Из только что выстроенной сказки её выдернул чей-то настойчивый шёпот прямо в ухо:

– Да прекрати же играть! Соня!

– Э? Почему? – тоже шёпотом спросила Соня, в недоумении взглянув на новую подругу, и тут заметила её затравленный взгляд, устремлённый за Сонину спину.

Быстро оглянувшись, девочка увидела в дверях высокого сероволосого парнишку лет пятнадцати. Довольно красивого, но с наглым выражением лица, которое не понравилось Соне. Мальчишка был старше всех и смотрел на детей, как волк на козлят.

В игровой стояла тишина. Соня тоже молчала, с любопытством ожидая, что будет дальше, и поглядывая по сторонам. Дети смотрели на Серого, как его мысленно окрестила Соня, словно кролики на удава.

Серый прошёлся прогулочным шагом по игровой и остановился возле маленького пятилетнего мальчишка с пластырем на носу.

– Ну, Стёпа, как твой нос? – ласково спросил он.

– Н-н-нормально, – тихо ответил Стёпа, доверчиво взглянув на парня.

– Вот и отлично, – Серый улыбнулся и вдруг щёлкнул мальчика по носу. Тот взвыл, как щеночек.

– Не вопи, – хриплым довольным голосом сказал Серый, хватая Стёпу за подбородок. – А-то хуже будет. Что ты скажешь тёте медсестре?

«Шмыг»

– Что ударился о кушетку.

«Шмыг»

– Молодец, – Серый похлопал рыдающего мальчугана по мокрой щеке.

Соня тем временем озиралась в поисках дежурной медсестры, но в комнате никого из взрослых... не было!

Серый двинулся дальше, нагло осматривая других детей. «Выбирает следующую жертву!» – возмущённо подумала Соня. Теперь-то она поняла, почему все затихли!

– Да как ты смеешь? – не выдержав, выкрикнула она и шагнула вперёд.

Серый удивлённо повернул голову, нарочито медленно оглядел ребят и сделал вид, что не сразу заметил Соню. На его лице появилась грамасса, которая должна была выражать испуг, затем он ухмыльнулся:

– А-а-а-а, – протянул Серый. – Значит, ты и есть та самая Соня Маус?

– Ты знаешь моё имя? – удивилась Соня.

– Заглянул в журнал в кабинете глав-гада, – он сделал паузу и как будто спохватился. –

Прошу прощения, главврача.

Самодовольный индюк нравился Соне всё меньше.

– Ты зачем маленького обидел? – Соня подошла к всхлипывающему Стёпе, присела перед ним на корточки – нос ещё болит?

– Да, немного, – пожаловался мальчик. – У меня аллергия на цветы, нос распухает и чешется так, что даже больно. А пластырь успокаивает.

– Понятно, – Соня улыбнулась Стёпе.

– Хм, какая смелая! – шутовски приподнял бровь Серый. – А меня, кстати, Сергеем зовут.

Соня встала в полный рост и, не оборачиваясь к наглецу, хмуро ответила:

– Оно и видно. Только я тебя не спрашивала. Мне всё равно.

Она заметила, как дети таращатся на неё. Кто-то с удивлением, кто-то с восторгом, кто-то с выражением неподдельного ужаса на лице, а кое-кто и с немым вопросом в глазах: «Ты, что, дура?»

– Ребята, вас же много, а он – один! Хватит его бояться! – громко произнесла Соня. – Вижу, что он давно вас держит в страхе, заставляет говорить медсёстрам неправду. Зря вы его слушаетесь! Надо, чтобы о его поведении узнали взрослые. Давайте все вместе прямо сейчас пойдём и расскажем всё дежурной медсестре. Кто видел, куда она делась?

Эффект оказался не совсем такой, как Соня ожидала. Дети по-прежнему молчали. Теперь все смотрели не на неё, а куда-то мимо и на лицах снова застыл страх.

Соня оглянулась. Взгляд Сергея не предвещал ничего хорошего. Парень долго молчал, разглядывая Соню, затем размял пальцы до смачного хруста и, наконец, удовлетворённо хмыкнул:

– А ты смелая. Но только до поры до времени, – он замахнулся кулаком...

Оберег... Девочка непроизвольно прижала ладонь к маленькому твёрдому бугорку под горлом. Оберег... Подаренный Дедом Морозом в Сказочной стране, волшебный талисман превращал в лёд всё, что могло угрожать его хозяйке. Соню ТАМ никто не мог не только убить, но даже ранить! Но здесь, в обычном мире обычных людей, сила оберега ослабла. Соня убе-

дидась в этом ещё во время приключений в картинной галерее². Здесь он мог уберечь только от смерти, но не от ран и ушибов...

...– до поры до времени!

Соня увидела занесённый для удара кулак, внутренне сжалась. Только не зажмуриться, не доставить удовольствие отморозку. И тут:

² «Приключения Сони в Картинной галерее» – вторая книга серии про Соню и её друзей

– Де-е-ети! Завтрак! Манка с чаем! – в дверном проёме показалась голова медсестры, в глазах которой Соня прочла явное любопытство.

Девочка взглянула на Серого, но тот уже стоял со скучающим видом, будто ничего и не было.

–А-а-а, знакомитесь? – медсестра улыбнулась, подмигнула Соне и скомандовала – А ну, строимся в пары, к манной каше шагом марш!

– Потом покалякаем, – промурлыкал Соне на ухо Серый и первым вышел из игровой.

Глава 3

Легенда

После завтрака Соня, взяв за руку Стёпу, вместе с Настей отправилась к Лэлу Лэлоевичу. Но едва приоткрыла дверь кабинета, как увидела за столом Злыдня, перед которой лежал раскрытый журнал, а чуть поодаль виселись две горы карточек. Одна поменьше, другая побольше. Злыдня брала карточку с вершины высокой горы, быстро пролистывала, делала пометки в журнал и откладывала на вершину горы поменьше.

– Кто там? – Злыдня оторвалась от работы и недовольно взглянула на детей. – А-а-а, это ты, русская чурка. Чего надо?

– Где Лэл Лэлоевич? – Соня благоразумно пропустила обидные слова мимо ушей.

– У него свои дела, – нехотя ответила Злыдня. – Зачем он тебе?

– Самый старший из пациентов, мальчик по имени Сергей, ударил Стёпу по больному носу.

Медсестра встала, подошла к мальчику, взяла в свои огромные ладони его маленькое личико, повернула в одну сторону, в другую, внимательно глядя на прилепленный к носу пластырь.

– Болит? – спросила она строго.

Испуганный мальчик смутился и едва слышно пролепетал:

– Нет, совсем нет.

– Стёпа, – Соня присела перед мальчиком на корточки. – Не бойся, Расскажи, что произошло.

– Помолчи, чурка, – медсестра грубо оттолкнула Соню, та чудом удержала равновесие, а Злыдня продолжала допрос:

– Она сказала правду?

Мальчик неуверенно посмотрел на Соню, потом на страшную медсестру, вспомнил Серого, его кулаки, и тихо-тихо, что его едва расслышали, сказал:

– Н-нет.

У Сони округлились глаза.

– Стёпа! – растерянно выдохнула она. – Сергей же тебя ударил! Ты не должен его бояться. Он...

– Мало того, что чурка, так и ещё и врешь. И ребёнка на ложь подбиваешь.

– Но это правда! – в негодовании воскликнула Соня, – Настя, подтверди!

Она оглянулась в поисках Насти, но та спряталась за дверь.

– Настя, и ты здесь? – удивилась медсестра. – Ну? А тебе что сделал Сергей? В глаз дал? Или ударил по твоему большому животу?

Настя молча вышла из-за двери и тихо стояла, потупив взгляд.

– Да что это такое? – возмутилась Соня. – Да перестаньте же его бояться! Нужно только сказать правду, и его...

- Посадят в карцер, – перебила Злыдня. – Но только не его, а тебя.
- Меня!? За что?
- За враньё и подстрекательство.

Соня в карцере.

Теснота. Четыре стены, две кровати и хромой стул на трёх ножках. Когда-то палата была обычной, только в два раза шире, потому что её не разделяла надвое железная стена с узкой отдушиной под потолком. И кроватей было не две, а четыре.

За половиной окна сияло солнце. (Да, именно не за окном, а за его половиной, потому, что железная перегородка, разделявшая комнату, делила напополам и окно). И так, в комнату заглядывало солнце, а девочка чувствовала себя так, как наверное, чувствуют те, кто впервые попадает в тюрьму. Ощущение усиливала решетка на окне. В железной перегородке обнаружилась дверь в соседнюю половину комнаты. Соня подёрнула ручку. Закрыто.

– Да-а-а, – протянула девочка, уселась на ближайшую к ней кровать, застеленную, кстати, свежей простыней, безукоризненно белой (прачечная в больнице, как давно заметила Соня, работала отменно). Она откинулась на подушку в хрустящей наволочке и втянула носом довольно приятный запах стирального порошка. «Как раз для аллергиков», – с раздражением подумала она.

Лежать было скучно. Соня встала, померяла комнатку шагами. Оказалось, семь шагов туда, семь – обратно. Постояла у окна, полюбовалась глухим высоким забором, отгораживающим больницу от оживлённой улицы, послушала доносившиеся с воли звуки трамвая, перегуды автомобилей, детские голоса, принялась изучать стены, снова покрутила ручку железной двери и убедилась, что она действительно закрыта. И вдруг обратила внимание на зарешеченную отдушину под потолком.

Девочка, недолго думая, принялась двигать к железной стене обе кровати. Двигать было недалеко, рукой подать, но дело оказалось не таким простым в тесном помещении. Кровати соприкасались спинками, при этом противоположными спинками упирались в стены. Нужно было именно так, вместе и поставить их у противоположной стены под отдушиной, а затем взобраться на высокую сдвоенную спинку кроватей. Наконец, Соне это удалось, и она с удовлетворением обнаружила, что потолки ниже, чем ей казалось (или спинки кроватей выше): её лицо очутилось как раз на уровне решётчатой отдушины. Она быстро вынула решётку.

Стена оказалась совсем узкой (обычная перегородка, только железная). В соседней половине комнатки – такая же теснота, да ещё и полумрак – туда попадала только малая часть окна, выходящего на улицу. У противоположной от отдушины стены – две кровати, постель на одной из них смята. «Наверное, до меня здесь уже кого-то держали», – подумала Соня и потеряла интерес ко второй камере. Она спустилась, с трудом передвинула кровати на место. И вовремя. В железном замке повернулся ключ.

В проёме двери показалась Нани и какой-то лысый мальчик.

– Сона? – удивилась Нани. – Вот ты где, тэбэ давно пора на процедуры! Алик, заходи, – Нани открыла железную дверь во вторую камеру и посторонилась, чтобы пропустить мальчика вперёд. Но тот медлил, с любопытством рассматривая Соню. Нани подтолкнула мальчика, закрыла за ним дверь и повернулась к Соне:

– Пошли, бедолага. Что же ты такого натворила?

По возвращении с процедур Нани сказала Соне:

– Нэ знаю, за что тэбя так... – Нани кивнула в сторону карцера, – Но... Возми что-нибудь из своих вещэй. А-то ведь там, со скуки померэть можно.

Соня взяла альбом, фломастеры, цветные ручки, подумав, прихватила ноутбук.

– Это Татьяна Артэмьевна тэба сюда? – спросила Нани, когда они вошли в палату карцера.

– Ага, – подтвердила Соня.

– А-а-а, ну тогда я тэба завтра отсюда забэру. Потэрпы. Ранше не получица, прости. – Нани поцеловала Соню в лоб, потрепала по волосам, виновато заглянула в глаза. – Рассэрдится, понымаэш?

И закрыла дверь.

Повисла тишина.

Потом за стенкой что-то зашуршало.

– Привет! Ты Алик? – спросила Соня.

Ответа не последовало, но за стенкой зашуршало вновь.

– Чего ты молчишь? – Соне стало не по себе.

Целую ночь находиться рядом со странным малым, пусть даже через железную стену – не очень приятная перспектива. Закрытый ключом замок – не гарантия безопасности. И в коридор не выйдешь – опять таки на ключ закрыта. А позовёшь на помощь, большой вопрос – услышит ли кто-нибудь.

Шум за стеной не прекращался. Соня поняла, что мальчишка проделывает в своей камере то же, что и она час назад – двигает кровати.

Наконец, в окошке показалась лысая голова. Решётку можно было снять только с Сониной стороны камеры, поэтому мальчишке пришлось её выбить. Железка упала у Сониной кровати. Когда девочка вновь посмотрела в сторону отдушины, она увидела, что лысый делает отчаянные гримасы. Показывая пальцем на свой рот, он отрицательно крутил головой, затем, насколько позволяли размеры окошка, просовывал кулачок и тыкал пальцем куда-то в бок.

Соня пошарила взглядом по стенам, тумбочке, на которой лежал открытый альбом с карандашами... Альбом?

– Тебе нужен альбом? – спросила Соня.

Мальчик энергично закивал головой.

Соня пожала плечами и снова принялась передвигать кровать.

Вскоре альбом был опять у Сони. «Меня зовут Алик. Я здесь уже месяц», – с трудом прочитала девочка. Почерк был быстрый и неровный.

– Ничего себе! – у Сони, что называется, глаза полезли на лоб. – Месяц! А ты ещё здесь не «откинулся»?

Мальчик беззвучно засмеялся. И тут до Сони дошло:

– Ты... не можешь говорить?

Алик кивнул.

– А... это... с рождения?

Алик отрицательно замотал головой. Затем снова указал на альбом и карандаш. А когда получил их, вывел: «Нет, не с рождения. Хочешь, расскажу, как это случилось?»

– Да, – ответила Соня.

«Тогда перелезай в мою половину комнаты»

– Как?

Соне вновь почудилось, что мальчик не дружит с головой: «Последствия долгого заключения», – подумала она. Тем временем с другой стороны перегородки послышался грохот. «Упал», – подумала Соня. Но тут между ребром железной стены и окном показался кулачок, потом начала выползать рука до локтя. Кулачок разжался и сделал хватательные пассы пальцами. При этом рука поразительно походила на голову змеи. Соня сунула в её «пасть» альбом, и «змея» с добычей быстро скрылась за стеной, затем снова высунулась, чтобы схватить карандаш.

«Ты худенькая и маленькая, здесь пролезешь, – через минуту читала Соня. – Стена в этом месте совсем тонкая. Наверное, материала не хватило – заделали простой тонкой пластиной. Легко отогнуть».

– Так, может, ты иди ко мне в гости? Приглашаю, – пошутила Соня и снова отдала альбом.

«Я не пролезу. Пробовал». Вместо точки в конце фразы Соня увидела большой улыбающийся смайлик.

– Ладно, иду, – вздохнула Соня и влезла на подоконник.

Через пять минут дети сидели рядом. Алик строчил, Соня читала, не дожидаясь, пока он поставит последнюю точку и сам отдаст альбом. Получалось ужасно медленно, но все же это было быстрее, чем накануне, когда они общались по разные стороны стены.

«Ровно месяц и шесть дней назад я попал в эту больницу, – читала Соня. – Дело в том, что у меня открылась сильная аллергия. Оказалось – на свои же волосы (как видишь, теперь я лысый). Когда врачи догадались, в чём дело, они вытащили меня из-под капельниц и разрешили играть с другими детьми.

В первый же день «свободы» в игровой ко мне подошёл взрослый пацан (ты, наверняка, его уже знаешь – Сергей). Он сразу дал понять, кто здесь главный, дал мне кличку «Лысый»

и приклеил глупую дразнилку «Лысый-лысый, лысину побрызгай. Пусть она в ночи сияет и всех блеском ослепляет».

Я видел, что ему нравится мне досаждать, но старался не обращать на него внимания. Тогда он переключился на других детей и для каждого находил какую-нибудь гадость – шелчок, пинок, обзывалку... Некоторых доводил до слёз и оставался очень этим доволен. Я разозлился, рассказал всё Лэлу Лэлоевичу, мои слова подтвердили заплаканные девчонки. Сергея посадили сюда.

Вечер прошёл спокойно, все были счастливы, что обидчика наказали. А ночью... Я проснулся, вышел в коридор...

– Зачем? – поинтересовалась Соня. Алик недоумённо взглянул на неё, потом беззвучно рассмеялся и снова склонился над альбомом:

«Зачем, зачем... А зачем ночью в больнице люди покидают тёплую постельку, выходят в холодный коридор и чапают к дверям «М Ж»? Вот и мне нужно было туда. Ясно? – Алик в упор посмотрел на Соню. Та покраснела. – Так вот, возвращаясь в палату, я заметил на лестничной клетке тень. В её очертаниях было что-то странное.

Я не очень хорошо вижу вдаль и потому притормозил, чтобы получше разглядеть. Когда очертания стали отчётливее, я похолодел. На меня надвигалось существо, худое и очень длинное. Высоты потолка не хватало, чтобы вместить весь его огромный рост. Монстр шёл скрючившись. Он был одет в элегантный чёрный костюм с белой рубашкой и красного цвета галстуком. Из-за его спины то и дело высывались огромные чёрные щупальца. Казалось, к великану сзади прицепился гигантский кальмар.

Но самое страшное было не это. Самым ужасным было бледное как стена лицо. Точнее его отсутствие. Ни бровей, ни ресниц, ни носа, ни рта... Ушей на голове я тоже не видел. Не голова – а яйцо. Впрочем, рот у него всё же был.

Не знаю, как он меня увидел... или почуял... или унюхал без глаз, ушей и носа, но... Гладкое яйцо головы ближе к низу, где у людей подбородок, вдруг будто кто-то прорезал ножом. Яркая красная полоса раздвоилась, образовалась щель с острыми зубами, из которой высунулся длинный красный язык, похожий на окровавленную змею. Я хотел закричать, но почувствовал, что не могу. Я потерял голос. Открывал рот, напрягал связки, звуков не было. Не было даже хрипа.

А монстр всё надвигался. Его язык и щупальца тянулись ко мне. Я так перепугался, что потерял сознание.

Утром очнулся в своей палате, на своей кровати. На краешке сидел Лэл Лэлоевич, держал меня за руку, вокруг хлопотали перепуганные медсёстры. Едва я открыл глаза, все кинулись ко мне с расспросами – как я себя чувствую, не болит ли голова. Я удивился, неужели я во сне всё же кричал? А ведь снилось-то, что голоса у меня нет! Я хотел успокоить сестёр и врача, сказать, что всё нормально, не стоит обращать внимания на дурные сны, но не тут-то было. Мои губы двигались, рот открывался, голосовые связки напрягались, но ни одного звука я так и не произнёс.

Я не понимал, что со мной, и очень испугался. Наконец, кто-то из врачей догадался спросить, помню ли я, что произошло этой ночью (ведь нашли они меня рано утром без сознания в коридоре, в пяти шагах от моей палаты) и сунул мне в руки блокнот и ручку. Я описал всё, что помнил. И чудовище тоже описал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.